

Матвеева Н.Г.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Белорусский государственный медицинский университет

Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются случаи варьирования и некоторые причины, определившие смешение и изменение падежных окончаний.

Ключевые слова: лексико-синтаксическая обусловленность вариантов родительного падежа, формы именительного падежа множественного числа, стилистический ресурс языка.

Matveeva N.G.

COMPETING CASE FORMS

Belarusian State Medical University

Minsk, Belarus

Abstract. The article examines cases of variation and some of the reasons that determined the mixing and changing of case endings.

Keywords: lexical and syntactic determinacy of genitive case variants, nominative plural forms, stylistic resource of the language.

Колебания в словоформах и неустойчивость морфологических норм русского литературного языка объясняется различными причинами, одни из которых восходят к историческому прошлому языка (даже к его древнему строю), а другие представляют собой абсолютно непреходящие закономерности живого, развивающегося языка.

Обширная научная литература посвящена истории и конкуренции форм родительного падежа на **-а (-я)** и на **-у(-ю)**: *сахара — сахару, чая — чаю*. Принято считать, что постепенно устаревающую форму на **-у(-ю)** в современном языке сохраняют следующие разряды имен: 1) вещественные существительные при обозначении части целого (*кружка квасу, кусок сыру*); 2) некоторые собирательные и отвлеченные существительные (*много народу, мало жару*); 3) некоторые существительные в предложных сочетаниях (*из лесу, с испугу*) и в составе устойчивых фразеологических оборотов (с *миру по нитке, нашего полку прибыло, сбиться с панталыку*). В остальных случаях рекомендуется употреблять форму на **-а (-я)**: *вкус чая, производство сахара, среди народа* и т. п. Обычно указывается также на стилистическое различие этих падежных форм (оно было отмечено еще М.В. Ломоносовым): формы на **-у(-ю)**, в отличие от нейтральных форм на **-а(-я)** стилистически несколько снижены, носят разговорную окраску.

Эти правильные выводы о соотношении конкурирующих вариантов нуждаются все же в некоторых дополнениях и уточнениях.

Во-первых, формы родительного падежа на **-у(-ю)** дольше удерживаются у односложных или двусложных слов (исконно русских или ранних заимствований): *квас, чай, воск, сыр, лук, сахар, творог, табак* и т. п. При этом

некоторые из них чаще даже принимают флексию **-у**, чем **-а**. Например, в литературном языке XIX в. полностью господствовал вариант **квасу**; в современной литературе зафиксировано: **квасу** (М. Горький, В. Катаев, Никитин, Замятин, Шукшин, Герман, Саянов, Сартаков, Соколов-Микитов, Проскурин и мн. др.), **кваса** (Л. Леонов, Нилин, М. Алексеев, Г. Марков). Варианты **чаю** и **чая** у современных писателей оказались равновероятными. Зато у трехсложных заимствованных слов (**шоколад, лимонад, нафталин, рафинад** и т. п.) значительно интенсивнее распространяются формы на **-а(-я)**. Для многосложных же слов (**беспорядок, переполох, пирамидон** и т. п.) окончание **-у(-ю)** вообще малохарактерно.

Во-вторых, отчетливо обнаруживается зависимость выбора форм на **-у(-ю)** или **-а(-я)** от синтаксических конструкций. Если в именных словосочетаниях при обозначении части целого допустимо употребление обеих форм: **кусоч сахара (сахару), чашка чая (чаю)** и т. п., то в глагольно-именных словосочетаниях (при наличии переходного глагола) естественной и нормативной для современного языка продолжает оставаться форма на **-у(-ю)**: **положить сахару, заварить чаю, нарезать сыру, налить супу** и т. п. Вот некоторые примеры из современной художественной литературы, где применение формы на **-у(-ю)** обусловлено управляющим переходным глаголом, а — формы на **-а(-я)** зависят от управляющего имени: **Ты только садись и поешь супу...** [Она] **налила ему полную тарелку супа с вермишелью** (Лидин. Индийский гость); **Зиновий Семенович еще отпил чаю...** — **Принесите по стакану чая** (Герман. Я отвечаю за все).

В-третьих, формы на **-у(-ю)** прочно удерживаются (и даже являются предпочтительными) при употреблении в родительном падеже уменьшительных имен **медку, чайку, сахарку, кофейку** и т. п. Это, очевидно, вызвано типичными синтаксическими и контекстными условиями употребления уменьшительных имен (наличие переходного глагола, эмоционально-экспрессивный характер высказывания).

Следует, наконец, отметить, что выбор форм родительного падежа находится в некоторой зависимости и от особенностей предлогов. Например, с предлогом **от**, который, обозначая внешнюю и внутреннюю мотивировку действия, качества или состояния, способствует большей расчлененности представления, употребляются чаще продуктивные формы на **-а(-я)**: **от голода, от смеха** и т. п. Наоборот, с предлогом **с(со)**, обозначающим только внутреннюю причину состояния и употребляющимся в кругу разговорных выражений, предпочтительными оказываются формы на **-у(-ю)**: **с голоду, со смеху** и т. п.

Лексико-синтаксическая обусловленность наблюдается также и у некоторых вариантов родительного падежа множественного числа. Как известно, грамматическая норма особенно неустойчива у отдельных наименований единиц измерения (**граммов — грамм**), у слов, обозначающих фрукты, плоды, овощи (**апельсинов — апельсин**), а также в наименованиях парных предметов (**носков — носок**).

Относительно конкурирующих форм родительного множественного слова **грамм (сто граммов или грамм?)** высказывались весьма разноречивые мнения.

Во многих пособиях и руководствах по стилистике форма с нулевой флексией (*сто грамм*) категорически запрещается. В современных словарях предпочтение отдается традиционной форме — *граммов*. Смягчение нормативной оценки формы *грамм* (вм. *граммов*) вызвано массовым вхождением этого варианта не только в устную, но и письменную речь.

Не менее распространено в разговорной речи и колебание в формах родительного множественного у названий фруктов и овощей (в особенности у слов с основой на сонорный согласный, что, как отмечалось выше, предрасполагает к формальному варьированию). Употребление форм *апельсин, мандарин* (вм. *апельсинов, мандаринов*) встречается и в художественной литературе у М. Горького, Есенина и других писателей.

Однако было бы опрометчивым признать равноправность форм на *-ов* и форм с нулевой флексией. И дело здесь не только в престиже традиционной формы на *-ов*, предпочитаемой в письменной (особенно научной и официально-деловой) речи. Весьма существенно то, что рассматриваемые морфологические варианты обнаруживают определенную зависимость от значения падежа и характера словосочетаний. Так, варианты с нулевой флексией не только свойственны разговорной речи, но и употребляются обычно в стандартных количественных сочетаниях со словами, обозначающими единицы измерения (*сто грамм, килограмм апельсин, тонна помидор*). При обозначении же, например, отдельных, считаемых предметов или в других значениях родительного падежа применяются только формы на *-ов* (*пять мандаринов, запах апельсинов, ящик из-под помидоров* и т. п.).

Таким образом, помимо наличия стилистической окрашенности, формы родительного множественного с нулевой флексией постепенно приобретают особую и синтаксическую специализацию, употребляясь преимущественно в счетных словосочетаниях, например *двое грабель, но продажа граблей* (и *грабель*).

Поистине драматической страницей в русистике остается судьба форм именительного множественного на *-ы(-и)* и *-а(-я)*.

Общее направление развития языка и следующей за ним переоценки форм здесь как будто очевидно — это все более широкое вхождение и нормативное признание продуктивных форм на *-а(-я)*. Форма *домы* была обычной для литературного языка XIX в. (Гоголь, Жуковский, Майков, Полежаев, Гончаров и др.), она встречалась еще в поэзии начала XX в. (Блок, Асеев), но уже совершенно неприемлема в наши дни. Грубой ошибкой считалась в конце XIX — начале XX в. форма *поезда*, сейчас, наоборот, странно было бы услышать рекомендуемую учителями гимназий форму *поезды*.

И все-таки, несмотря на массовое вхождение новых форм на *-а(-я)* и даже нормативное признание, многие из них (например, *бухгалтера, договора, корректора* и т. п.) производят впечатление второсортности, стилистической сниженности. Причем даже проникновение их из профессиональной речи в художественную литературу не может служить надежным доказательством стилистической равноценности новообразований на *-а(-я)* и традиционных форм на *-ы(-и)*. Большинство новых вариантов на *-й(-я)* остаются функционально

ограниченными: ими не следует, например, пользоваться в научной, официальной и тем более в торжественной речи.

Современные лингвистические взгляды на соотношение рассматриваемых морфологических вариантов опираются главным образом на их стилистическую противопоставленность (многие формы на **-а(-я)** относятся к сфере просторечия и профессиональной речи), социальную приуроченность (формы на **а(-я)** чаще наблюдаются у рабочих, служащих и студентов-нефилологов), а также смысловое разграничение: считается, что слова с предметным значением свободнее принимают флексию **-а(-я)**, чем, скажем, слова, обозначающие лиц.

Кроме того, есть и чисто формальные ограничения для распространения и признания нормой флексий на **-а(-я)** в именительном падеже множественного числа. Оказывается, их получают сейчас главным образом дву-, трехсложные существительные мужского рода с основой на сонорный (в особенности — плавный) звук, например: **тополя, купола, клевера, якоря** и т. п. Напротив, многие односложные слова (*суп, торт, план* и т. п.), как и многосложные (ср.: *токарь — токари* и *токаря, но библиотекарь, только — библиотекари*), сохраняют традиционные формы: *супы, торты, планы* и т. п. Впрочем, и среди односложных слов есть немало таких, у которых утвердилась новая флексия: *года, снега, тома* и т. п.

Вечная эволюция языка подтачивает даже закрепленные на письме и охраняемые грамматическими пособиями правила образования форм. С другой стороны, дублетность в морфологии современного русского литературного языка уже не представляется целиком избыточной. Многие вариантные формы приобрели ту или иную функциональную нагрузку, став при этом важным стилистическим ресурсом языка (ср.: *в отпуске* и в разговорной речи *в отпуску; сыновья* и в торжественной речи *сыны*, например: *сыны отечества*). Весьма существенной является закрепленность параллельных морфологических форм за определенными синтаксическими конструкциями (ср.: *чашка чая, тарелка супа*, но в сочетании с переходными глаголами обычно: *налить чаю, супу*). Такая приуроченность форм, свидетельствующая об их функциональном своеобразии, не может не учитываться в нормативной практике и при обучении русскому языку.

Литература

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2016.
2. Горбачевич, К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М., 2016.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003.